

Пятеро воинов не ответили. Они разъехались, взяв его в кольцо, и с оружием наперевес стали приближаться.

Смертоносная аура сгустилась на остриях их клинков. Они готовились зарубить на месте этого наглеца, решившего испытать судьбу.

— К чему такая жестокость? Я всего лишь несчастный путник, два дня проведший в дороге, — Гу Чжи вытащил из ножен меч, подаренный старшим молодым господином, отпустил поводья и показал воинам ладони, стёртые до кровавых мозолей. — Господа, может, проявите снисхождение и пропустите меня? И вам хорошо, и мне, и всем остальным.

— Так это сумасшедший, — сплюнул чернявый воин. Густой плевок упал в траву и исчез. — Убить его поскорее, чтобы не тратить время.

Другой солдат, с квадратным лицом, брезгливо отвёл взгляд. Его голос звучал напряжённо и подозрительно:

— Он выглядит слишком самоуверенно...

— Чего бояться? Он один, без доспехов. Неужели мы впятером с ним не справимся? К тому же, поблизости патрулируют другие отряды, если что — сразу придут на помощь, — ответил самый низкорослый из них с южной стороны.

— Хватит болтать, кончайте с ним, — отрезал предводитель.

Пятеро всадников рванулись к Гу Чжи.

Двадцать чжанов, пятнадцать, десять...

Когда расстояние сократилось до десяти чжанов, Гу Чжи наконец «опомнился», развернул коня и поскакал в обратном направлении.

— Бежать вздумал? Поздно!

Чернявый воин, скакавший быстрее всех, настиг Гу Чжи и, замахнувшись мечом, приготовился снести ему голову.

Гу Чжи резко дёрнул поводья с такой силой, что из мозолей на ладонях брызнула кровь. Конь болезненно заржал и инстинктивно шарахнулся вправо, уводя всадника из-под удара.

Словно не замечая боли в руках, Гу Чжи с бесстрастным лицом обернулся и тихо пробормотал, будто про себя:

— Совсем не умеете договариваться.

Он вскинул меч рукоятью вверх, сбивая с головы широкую соломенную шляпу.

В его светло-карих глазах отразилась тёмная ночь. Они были похожи на бездонные омуты, в которых не было ни единого проблеска света — лишь мёртвая чернота.

Противник почувствовал, как по спине пробежал холодок, и его рука с оружием невольно замедлилась. В следующее мгновение он ощутил холод на шее, словно капли дождя превратились в ледяные осколки и прошлись по коже.

Брызнула кровь.

Чернявый воин широко раскрыл глаза, с недоумением глядя на удаляющегося юношу. Он ведь не ранил его. Откуда эта кровь?

Прежде чем он успел что-либо понять, сознание поглотила тьма.

— Ты плюёшься на землю, так что иди первым.

В тумане угасающего сознания он смутно расслышал лишь эту фразу.

Остальные солдаты пришли в ужас. Ледяной холод пронзил их от шеи до самых пят.

В глазах предводителя вспыхнула ещё большая ярость. Он ускорил коня и, обогнав низкорослого воина, с копьём наперевес бросился вперёд.

— Сигналь!

Последний воин в строю с застывшим лицом развернул коня и поскакал на запад.

Говорят, «дюйм длины — дюйм силы, дюйм короче — дюйм риска». Копьё — царь оружия, и в конном бою оно давало огромное преимущество. Предводитель, держа копьё за самый конец древка, нанёс удар с расстояния, недосягаемого для меча.

Гу Чжи снова развернул коня, сжал бока скакуна ногами и, подавшись вперёд, всем телом припал к его спине. Остриё копья пронеслось над самым его носом, обдав кровавым ветром.

Юноша, не глядя, метнул меч и обеими руками схватился за древко копья.

Промахнувшись, противник собирался отвести оружие для нового удара. Внезапно острый клинок прошёлся по его бедру и вонзился в брюхо коня. В тот миг, когда предводитель отвлёкся на боль, Гу Чжи воспользовался его оплошностью и едва не вырвал у него длинное древко.

Он мёртвой хваткой вцепился в копьё, но не успел приложить силу, как раненый конь взвился на дыбы и сбросил всадника на землю.

Хруст!

Предводитель, не выпустивший древко, при падении вывихнул руку. Она бессильно разжалась, и он потерял оружие.

«Конец»

Едва эта мысль пронеслась в его голове, как тело пронзило остриё. Копьё пробило его вместе с деревянным доспехом.

Двое оставшихся воинов, обезумев от страха, бросились в разные стороны, но ни один не смог увернуться от призрачного удара.

Тот, кто первым поскакал за подмогой, покрылся холодным потом, который смешивался с дождём. Слыша за спиной короткие, частые крики, он чувствовал, как страх сжимает сердце, и без умолку молился.

«Ещё немного, продержись ещё немного...»

Конь мчался во весь опор, но воину казалось, что этого недостаточно.

«Почему так медленно?! Чёрт!»

Неизвестно когда, по его спине пробежали мурашки. Он, обезумев, гнал коня вперёд, не смея обернуться, но в то же время его терзало непреодолимое желание взглянуть назад.

«Он догоняет или нет?»

Этот вопрос мучил его, заставляя обернуться.

«Только один взгляд...»

«Один...»

Воин обернулся и увидел развевающуюся на ветру красную кисть на копье.

***

Гу Чжи стряхнул кровь с копья и, не сбавляя скорости, поскакал дальше.

До уезда Вэнь оставалось два ли.

***

За стенами уезда Вэнь, в лагере новобранцев Цао, царила мёртвая тишина.

— Я думаю, они говорят очень дельные вещи, — первым нарушил молчание обладатель каштановой бороды. — Сейчас в Поднебесной хаос, мы покинули родные дома, рискуем головами ради куска хлеба. Мы не слуги семьи Цао, какой тут может быть разговор о верности до гроба? Кто нас накормит, за тем и пойдём, за того и жизнь отдадим, всё просто.

Эти слова нашли отклик у многих рекрутов. Лишь один мужчина с густыми бровями и бородой, но с голосом, тонким, как у тринадцатилетнего подростка, резко возразил:

— Если так, почему ты не пошёл с ними, когда они нас звали?

Бородач пренебрежительно отмахнулся:

— Это ведь дело, касающееся жизни и будущего. Конечно, нужно всё хорошенько обдумать. Как можно принимать такое решение сгоряча?

— Ты думаешь, эта шайка сброда победит? — в голосе собеседника с юношеским тембром прозвучала насмешка. — Эти люди помогают Дун Чжо творить зло. Думаешь, примкнув к ним, дождёшься чего-то хорошего?

О злодеяниях Дун Чжо, сжёгшего Лоян, знали все. Даже те, кто не слышал о его преступлениях, могли судить о жестокости тирана по разрушенным стенам, выжженной земле и останкам людей в округе Хэней.

— В любой войне есть победитель и проигравший. Итог может быть только один: либо победит армия Силян, либо генерал Цао. Вы можете держать нос по ветру и делать то, что велят силянцы. Но прежде подумайте о последствиях.

Мужчина обвёл всех взглядом, и его ясные глаза были остры, как ножи, заставляя некоторых отвернуться.

— Если победят силянцы, не факт, что они сдержат обещание. Они могут убить нас или бросить на произвол судьбы.

Бородач открыл рот, чтобы возразить, но, вспомнив о грабежах в столичном регионе Саньфу и о том, как воины Дун Чжо выдавали головы мирных жителей за военные трофеи, промолчал.

— И наоборот, если в итоге победит генерал Цао... — мужчина с юношеским голосом снова оглядел всех, — как вы думаете, какой полководец примет в свои ряды тех, кто ел его хлеб, а в решающий момент предал?

— Если мы предадим, Цао Цао не только не примет нас обратно, но и, скорее всего, прикажет всех казнить, — уверенно сказал худой, измождённый рекрут с землистым цветом лица.

Остальные всё ещё колебались. Мужчина средних лет с впалыми глазами робко подал голос:

— А мы не можем просто ничью сторону не принимать и подождать, пока они не закончат?

Другой поддержал:

— Да, эти воины Силян — головорезы. Мы же необстрелянные новобранцы, нам с ними не справиться...

— Цыц, — на этот раз усмехнулся бородач. — Не примыкать ни к кому? Кто пытается угодить всем, в итоге не угождает никому. Ничего не делать и ждать исхода — значит ждать смерти.

— Верно, — на этот раз обладатель юношеского голоса согласился с ним. — Флюгеров всегда сносит ветром. Мы не можем просто сидеть сложа руки.

— Легко говорить, — недовольно пробормотал кто-то. — Силянцы оставили отряд для наблюдения. Куда мы можем пойти?

Мужчина нахмурился и уже хотел возразить, как вдруг снаружи раздался яростный крик.

— Кто там?! Стой!

Пронзительный голос, казалось, пронзил ночную тьму, словно скрежет ножа по бронзе. Десятки людей в палатке замерли, переглядываясь.

— Я знаю этот голос, — первым нарушил молчание худой рекрут. — Это один из младших командиров Силян.

— Снаружи что-то случилось, — обладатель юношеского голоса поднялся и вытащил из-под соломенной подстилки грубый тесак. — Я пойду посмотрю.

Тот самый худой, как скелет, новобранец достал своё оружие и подошёл к нему.

— Вместе.

Они покачали головами остальным и выскочили из палатки.

— А-а-а!

Едва выйдя, они услышали пронзительный крик. Юноша вздрогнул, но заметил, что его спутник на удивление спокоен и пристально смотрит вперёд.

Силянцы оставили в лагере двадцать человек. Они разделились на два отряда, перекрыв передние и задние ворота. Сейчас у передних ворот царил хаос. Десять солдат от задних ворот, услышав шум, с оружием наперевес бежали сюда.

— Прячься.

Худой утащил товарища за соседнюю палатку. Тот подкрался к краю и выглянул наружу.

В ночной тьме фигура в соломенном плаще, с развевающимися по ветру тёмными волосами, сжимая поводья и держа наперевес копьё, пронеслась сквозь строй врагов.

Отбивал, колол, сметал, поддевал, давил...

Длинное копьё, казалось, было продолжением его руки. В каждом столкновении сочетались несколько приёмов, отточенных и безупречных.

— Пятеро? — обладатель юношеского голоса наконец понял, что что-то не так.

Если вычсть тех, кто бежал от задних ворот, у передних ворот должно было быть десять силянцев. Куда делись остальные?

Едва эта мысль зародилась в его голове, как они увидели, как копьё пронзило грудь очередного противника. Тот только что вскочил на коня, но не продержался и трёх раундов, как был сброшен на землю.

Только тогда новобранцы заметили, что у ворот уже лежат пять трупов. До их появления этот мастер копья уже в одиночку убил пятерых.

Нанеся точный удар, всадник вышел из боя. Указательным и средним пальцами он стёр со лба кровь, которая на фоне его бледной кожи казалась ещё ярче.

Дождь прекратился. Яркая луна осветила всё вокруг. Он отнял руку от лица и, не обращая внимания на четырёх дрожащих силянцев, перевёл взгляд вдаль. Десять врагов от задних ворот уже приближались.

Всадник собрался уезжать, но худой рекрут, узнавший его, замер. Они вдвоём выскочили из укрытия и громко закричали:

— Генерал Гу!

***

Гу Чжи мчался во весь опор, но у самых городских ворот дорогу ему преградил отряд из десяти всадников. Он мимоходом убил шестерых и уже собирался уезжать, когда внезапно услышал два голоса. Дрожа от волнения и радости, они в унисон выкрикнули:

— Генерал Гу!

Знакомое обращение заставило его придержать коня. Он поднял глаза в ту сторону, откуда доносились голоса.

<http://bllate.org/book/15998/1501022>